

«ТЫ—МОЙ ДРУГ»

Письма А. Фадеева В. Луговскому

АЛЕКСАНДРА Фадеева с Владимиром Луговским связывала многолетняя дружба. Они были почти ровесниками (Луговской был старше Фадеева на полгода). Близкое их общение началось в конце двадцатых — начале тридцатых годов и практически не прерывалось. Впервые публикуемые на страницах «Литературной России» четыре письма Фадеева Луговскому охватывают весьма длительный период — с июня 1931-го по июль 1946 года. Они свидетельствуют о постоянно крепнущей дружбе выдающегося прозаика с одним из талантливейших советских поэтов. Кроме того, они вводят читателя в лабораторию замыслов Фадеева, показывают, как много для его творчества значил Дальний Восток. Встречи с природой и людьми этого края вызвали у него жажду писать. Не случайно в одном из писем у автора «Разгрома» и «Последнего из удэгов» выражается признательность: «Очень хочется работать. Вспоминая последние два года, не могу подчас избавиться от чувства большой грусти, — прожиты не так, как надо, с малыми страстями и в сущности без радостей».

В феврале 1931 года Фадеев становится ответственным редактором журнала «Красная Новь» и с большим энтузиазмом привлекает к работе в журнале лучшие литературные силы. В архиве Луговского хранится письмо Фадеева, относящееся к этому периоду:

«Милый старик!

...очнулся в залитой солнцем комнате и долго лежал, глядя в потолок — одинокий и грустный, но с большой ясностью в мыслях. И с каким-то особым хорошим чувством подумал о тебе — о том, что ты существуешь на свете и что ты — мой друг. Мне было приятно и радостно подумать, что за все время, в течение которого мы идем плечо к плечу, несмотря на ненужные наши размовки, я ни разу не сказал за глаза нехорошего слова о тебе... а это редко бывает между людьми. Ты стал очень необходим мне, милый старый медвежатник, и я рад наедине со своей совестью сказать тебе эти наивные, но правдивые и большие слова.

Крепко, крепко жму твою руку
Саша.

19. VI. 31.

Если ты придешь сегодня в «Красную Новь» на очень интересный доклад Ермакова, ты доставишь мне большое удовольствие своим видом...

В феврале 1932 года Фадеев с Луговским приезжают в Уфу, где в течение полугодия работают над своими произведениями: первый — над романом «Последний из удэгов», второй — над второй книгой «Большевиком пустыни и весны» и книгой поэм «Жизнь». Луговской посвящает Фадееву стихотворение «Пропать Оби-ниола», а героя поэмы «Комиссар» наделяет чертами своего друга.

Отсвет уфимского периода, который они провели в плодотворных творческих трудах и беседах, ложится на всю последующую их жизнь. Для прозаика его друг-поэт становится необходимым как собеседник. В 1934 году Фадеев вместе с бригадой писателей уезжает на Дальний Восток, но и там испытывает желание делиться

своими мыслями с Луговским. Он пишет ему подробно и доверительно:

«Милый друг, Володя!

Сразу же по приезде в Хабаровск послал тебе телеграмму с адресом твоим, да «Тихоокеанская звезда» (газета краевая) послала тебе приглашение приехать, а от тебя ни слуху, ни духу. Правда, я уже 12 суток из Хабаровска — [в] разлуке со своими спутниками, — может быть, ты и откликнулся как нибудь, но мне сие неизвестно. Встретили нас, конечно, колокольным звоном, ибо писателей здесь любят еще больше, чем в других краях нашего нашего государства: распечатали в газетах отрывки, портреты, биографии. С неделю мы докладывали, выступали и банкетировали, потом разъехались. Гидаш и Фраерман (чудесный такой мытарь) — в Приморье, Вера¹ — в Комсомольск, Пейя² остался в Хабаровске (муж сей как будто не склонен к большим передвижениям), а я с третьим секретарем крайкома поехал по пограничным районам Амурской области. Сейчас сижу один в служебном вагоне на станции Благовещенск в ожидании поезда на Хабаровск... Съездили мы очень здорово. Районы — в верховьях Амура — очень глухие суровые. Пограничники живут по редким казачьим станциям, а то и просто в домиках посреди тайги. Замечательный народ — в большинстве российские рабочие — понаехали сюда жен, стерегут границу, читают книги (много расспрашивали про съезд и писателей знают) ставят домашние спектакли и по существу, помимо главного своего сторожевого значения, занимаются всем — и хлебом, и лесом, и рыбой. Уехал я от них с чувством большого уважения к ним и даже зависти. Ехали мы чудными местами: суровый осенний Амур, в скалах, в осеннем золоте. Изредка проплывает пароход... плывут, плывут. Дорогой захватила нас зима, — машину таскали чуть не на себе через провалы, один крепкий одолевал часа 2 (ночью) — чистили снег, не помогало, тогда стали класть под колеса полнубулки и одолели. Устали зверски, но было очень весело. Тайга глухая, кругом звериные следы через дорогу. Однажды на закате поднялись из кустов штук двести глухарей, расселись во круг на деревьях — жирные, черно фиолетовые, хвосты как лиры. Пограничник стрелял, да промазал и всех распугал. Но они долго мне еще снились. Вернусь из этого похода и — сяду писать. Планы у меня большие. Чувствую, что вошел уже в ту пору, когда ветрогонство — конец. Надо закончить роман, написать несколько рассказов для «Правды», засесть основательно за теорию и за науку и одолеть поначалу не менее двух языков — немецкий и английский. Засяду под Владивостоком и — года полтора, два в Москве меня пусть не ждут.

Тебе я был бы, конечно, несказанно рад, — ты мог бы увидеть здесь немало чудесного и хорошо поработал бы. В правлении Союза лежат для тебя полторы тысячи (договорено со Ставским). В редакции «Тихоокеанской звезды» встретят тебя с распростертыми объятиями и всегда укажут, где я, ежели перед этим я не успею сообщить перемену своего адреса. Корчат, одевают и перевозят нас здесь за гроши. Ежели надумаешь ехать, сагитируй Лидина, — мы с ним здесь жить, конечно, не будем, но пускай поедит и напишет что-нибудь, — Дальний Восток будет рад... Крепко жму тебе руку.

А.

Р. С. Читал отзывы на «Дангару» и очень рад за тебя. Как дела с «Эфемерой»? Пиши и телеграфируй мне: Хабаровск, редакция «Тихоокеанской звезды». Привет и мир тебе!

А.

Сейчас принесли газету. Здесь на Амуре зима, а в Уссурийском крае, — газета пишет, — вторично вишни зацвели. Вот край-то каков! 22. X. 34.

Благовещенск.

В 1936 году, сразу же после своего возвращения из Парижа, где он попал в автомобильную аварию, Луговской получает от Фадеева письмо, полное заботы и дружеского участия.

«Дорогой старик!

Узнал из письма Павленко, что ты приехал. Я ужасно переволновался за тебя, когда дошли слухи о твоей «кавари». Напиши мне, чем все это кончилось, — нет ли органических повреждений легких и прочих существенных внутренних повреждений, — каковы могут быть еще последствия, или хуже того, что было, уже не будет? Четвертую часть «Удэгов» я кончаю. Буду жить в Сухуме до 15—20 апреля. Рекомендую тебе при содействии Юдина (или Ставского — Щербакова) добыть путевку в дом отдыха Моссовета или в Синол и приехать сюда. Здесь солнечно, пища нормальная, цветут баобобы, работаете хорошо. Опять же море. Кефаль. Листочки и лепесточки. Барашки и дельфины Божьи коровки. Шашлык. Хороводы «абхазянок прекрасных», как писал Майков. Я соскучился по тебе, по твоим стихам, по нашим разговорам. Новую песню... — «По военной дороге»... — я распространял повсеместно. Кому бы ни пел, всем очень нравится и все быстро перенимают. Не мало было возмущения высказано по поводу того, что песня эта не внедряется в массы теми людьми и органами, которые должны были бы ее немедленно издать и распространить. Я не спрашиваю тебя о поездке, понимая, что это невозможно изложить в письме. Хватит, наверное, на несколько дней непрерывного рассказа и на месяцы — дополнительных художественных деталей. Мы еще дождем до той поры, когда подем вместе! Я очень желаю тебе здоровья, мужественный старик, — это главное. В комнате подо мной (я живу, можно сказать, в мансарде, трогаю рукой кипарисы с балкона и по рассеянности плюю на санного рыжего пса, который греется под балконом) — живут Вала³ и Марианна⁴, обе больные и симпатичные. Марианне нравятся очень стихи «Сивым дождем на мои виски», — несколько раз просила читать. Удалось ли тебе написать что-нибудь нового?

Очень жду тебя. Крепко жму руку. Мой самый радужный привет Сузе⁵, Ольге Михайловне⁶, Тусе⁷, Грише⁸. Приезжай, старик!

13. III. 36.

А.

Крепкая мужская дружба с Фадеевым находит свое выражение в лирических стихах Луговского: «Прощание» (1938), «Десять жизней» (1939), «Уфа», «Старый друг, как прежде, как бывало, я к тебе, доверившись, иду...» (1951).

Необыкновенные внимательность и обязательность к молодым литераторам отличали Фадеева, и это родило его с Луговским. Он обращается к Луговскому с такой просьбой:

«Дорогой Володя!

Посылаю тебе стихи Солуновой. Посылаю их тебе только потому, что она когда-то занималась в твоём кружке. Судя по всему, они слабы для печати. Но я очень просил бы тебя написать ей письмо с оценкой этих стихов. В письме укажи, что я передал их тебе и просил дать их разбор.

Как ты живешь, дорогой старик? Я тяжело болел и сейчас еще отлеживаюсь на даче. Надеюсь, что через 2—3 недели смогу выйти в мир и тогда, надеюсь, повидать тебя и Елену Леонидовну у нас на даче.

Крепко жму твою руку

А. Фадеев

Второго июля буду выдавать в МХАТе лауреатские знаки, но тотчас же уеду, т. к. чувствую себя еще слабым. Позвоню в районе 10-го июля: очень соскучился по тебе

1 июля 1946 г.

А. Ф.

Спустя три дня он дарит только что вышедший роман «Молодая гвардия» с надписью:

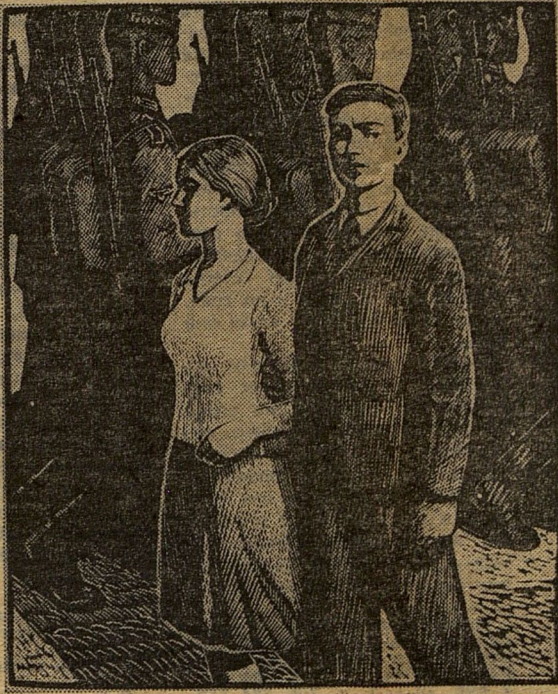
«Володе Луговскому, милому моему старику на добрую, добрую память.
4. VII. 46.

Ал. Фадеев.

³ Писательница Валерия Герасимова, в те годы жена Фадеева.
⁴ Марианна Герасимова, сестра Валерии.
⁵ С. М. Чернова, в те годы жена Луговского.
⁶ Мать Луговского.
⁷ Т. А. Луговская, сестра Луговского.
⁸ Г. П. Широков, в те годы муж Т. А. Луговской.

Публикация Ел. БЫКОВОЙ и М. НОГТЕВОЙ

Книжная графика

Из иллюстраций художников О. ВЕРЕЙСКОГО и Ф. ГЛЕБОВА к романам А. Фадеева «Разгром» и «Молодая гвардия».